

**ОРГАНИЗАЦИЯ ОХОТНИЧЬЕГО ПРОМЫСЛА
В СЕВЕРНЫХ РАЙОНАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ (1971–1991 гг.)**

В статье рассмотрено состояние и проблемы развития пушного промысла в северных районах Красноярского края в 1971–1991 гг. Проанализированы основные направления работы по переводу промысловой деятельности с экстенсивного на интенсивный путь развития. Показаны способы, результаты и последствия решения существующих проблем.

Ключевые слова: охотничий промысел, промысловые хозяйства, проблемы охотничьего промысла, материальная заинтересованность охотников, подготовка кадров охотников, повышение роли науки.

S.T. Gaidin, G.A. Burmakina

**THE HUNTING TRADE ORGANIZING IN THE NORTHERN DISTRICTS
OF THE KRASNOYARSK TERRITORY (1971–1991)**

The condition and problems of the fur trade development in the Northern districts of the Krasnoyarsk Territory in 1971–1991 are considered in the article. The main directions of work to transfer the hunting activity from the extensive to the intensive development way are analyzed. The methods, results and consequences of the existing problem solution are shown.

Key words: hunting trade, trade enterprises, hunting trade problems, material incentive of hunters, training of hunter staff, science role increase.

Цель исследований. Выяснить, как был организован и как развивался пушной промысел в районах Енисейского Севера, где в рассматриваемый период добывался основной объем пушнины Красноярского края.

Методика и результаты исследований. Период 1971–1991 гг. представляют собой самостоятельный этап в развитии охотничьего промысла в стране. Начало 70-х годов стало очевидной нижней границей нового периода в связи с целым рядом обстоятельств.

Во-первых, на рубеже 60–70-х гг. XX в. на мировом рынке резко вырос спрос на промысловую пушнину, что обусловило развитие пушного промысла в СССР, США, Канаде и некоторых других странах. Соединенные Штаты лидировали по закупкам шкурок енота-полоскуна, ондатры и красной лисицы, Канада – по закупкам шкурок канадского бобра, рыси и красной лисицы [1]. Даже в этих странах, имеющих собственный промысел, было место для различных видов пушнины из нашей страны. Тем более, что США к этому времени отменили эмбарго на ввоз из СССР меха горностая, ласки, лисицы, норки, колонка, куницы и ондатры. Следует подчеркнуть, что продукция красноярских охотников традиционно занимала достойное место на международных пушных аукционах. Так, на ленинградском аукционе в сентябре 1971 г. зарубежным покупателям было продано более пяти тысяч соболиных шкурок енисейского кряжа [2].

Во-вторых, промысловые организации Советского Союза вынуждены были активизировать пушной промысел после введения в 1971 г. нового порядка закупок пушнины с разделением на промысловую и клеточную, в связи с чем они утратили возможность перекрывать невыполнение планов добычи промысловой пушнины продажей государству клеточной пушнины.

В-третьих, в 1971 г. в целом завершилось формирование новой системы организации охотничьего промысла, в которую входили промысловые совхозы, государственные промысловые хозяйства (госпромхозы) и кооперативные звероводческо-промысловые хозяйства (коопзверпромхозы). Уже в 1971 г. в Таймырском автономном округе на базе бывших колхозов были созданы промыслово-оленоводческие совхозы «Воронцовский», «Ново-Рыбинский», «Хатангский», «Заря Таймыра», «Енисей» и др. [3]. Созданная система оказалась вполне жизнеспособной и в дальнейшем она лишь дополнялась новыми хозяйствами. В 1971 г. для эксплуатации таймырского стада диких оленей, насчитывающего более 360 тыс. гол., был создан госпромхоз «Таймырский», в котором на штатной основе работали более 350 человек.

Промысловой добычей северных оленей в нашей стране стали заниматься только в начале 60-х гг., когда был создан специализированный госпромхоз «Мурманский». Госпромхоз «Таймырский» стал вторым в

стране хозяйством такого типа. Если в первый год после создания его работники решали в основном организационные проблемы, то за сезон 1972–1973 гг. они сумели добыть более 14 тыс. диких оленей. Заготовка мяса оленей давала хозяйству до 90 % его доходов. Работники госпромхоза также занимались охотой на песцов, выловом рыбы, производством сувениров и меховых изделий [4].

Нужно отметить, что все созданные в Красноярском крае государственные и кооперативные промысловые хозяйства имели комплексный характер, занимаясь в зависимости от места расположения и климатической зоны охотой, рыболовством, оленеводством, заготовкой кедровых орехов, дикоросов и лекарственных растений. Эти занятия позволяли более рационально использовать рабочую силу за счет перераспределения ее по сезонным видам работы.

Но возможности различных видов промысловых хозяйств значительно отличались друг от друга. Государственные промысловые хозяйства Красноярского края по степени технической оснащенности, количеству рабочей силы и объемам хозяйственных работ относились к числу самых крупных в регионе. В начале 70-х гг. на один госпромхоз в Красноярском крае в среднем приходилось 206 работников, тогда как в Восточной Сибири в целом 115, а в Иркутской области – 158 работников [5].

Следует подчеркнуть, что на протяжении всего рассматриваемого в статье периода государственные промысловые хозяйства и северные совхозы имели более серьезную материально-техническую базу, чем принадлежавшие крайпотребсоюзу и крайрыболовпотребсоюзу коопзверпромхозы, у которых был малочисленный и зачастую устаревший автопарк, было меньше тракторов, бензопил, радиостанций. По утверждению специалистов, самую слабую базу из всех коопзверпромхозов Восточной Сибири имели хозяйства Бурятии и южной части Красноярского края [5].

Для того чтобы промысловые хозяйства всех видов могли более полно использовать свой внутренний потенциал, необходимо было закрепить за ними промысловые угодья, укрепить их материально-техническую базу, создать систему учета численности промысловых животных в угодьях, повысить материальную заинтересованность штатных охотников в результатах труда.

К началу рассматриваемого периода охотничьи угодья промысловых хозяйств еще не были в полном объеме разделены между ними, а на уже закрепленных территориях еще не было проведено внутривладельческое охотустройство с закреплением за охотниками промысловых участков. В регионе не было единой подрядной организации, занимавшейся проведением охотустроительных работ. Только в 1971 г. сотрудники Якутской землеустроительной экспедиции провели предварительное распределение охотничьих угодий между промысловыми хозяйствами Эвенкийского национального округа [6]. В разные годы охотхозяйственным устройством на территории края занимались Всесоюзный проектно-изыскательский институт «Союзгипролесхоз», Восточно-Сибирская и Западно-Сибирская охотустроительные экспедиции Главохоты РСФСР [7].

Проведение охотустроительных работ сдерживали не только недостаточные возможности специализированных организаций, но и наличие огромных территорий, не охваченных промысловой деятельностью, а также психологическая неготовность охотпользователей. Даже в конце 70-х гг. в Эвенкии промыслом не было охвачено 25–30 % имеющихся охотничьих угодий, на Таймыре 35–40, в Туруханском районе – 45–50 % угодий [8].

Закрепление промысловых участков за бригадами, звеньями и индивидуальными охотниками на постоянное пользование требовало определения четкой ответственности дирекций промысловых хозяйств за их обустройство, а охотников за добычу и воспроизводство промысловых зверей и животных. Но не все были готовы брать на себя такую ответственность, тем более, что выполнение дирекциями взятых на себя обязательств требовало серьезных финансовых затрат, что сказывалось на рентабельности производства. А охотник должен был стать хозяином закрепленных за ним угодий с высокой ответственностью за самого себя, семью и общие результаты работы промыслового хозяйства любого типа, что устраивало далеко не всех охотников из-за незначительной оплаты их труда.

В середине 70-х гг. за охотпользователями Красноярского края было закреплено немногим более половины всех имеющихся охотничьих угодий [5, с. 8], в Эвенкии всего 11,6 % промысловых угодий автономного округа [9]. Медленно производилось закрепление угодий в Тутончанском промысловом совхозе Эвенкийского округа, Хетском промыслово-оленьеводческом совхозе, госпромхозе «Таймырский» Таймырского округа, Вороговском госпромхозе Туруханского района и ряде других хозяйств [10]. За эвенкийскими совхозами «Стрелковский и «Ванаварский» охотничьи угодья были закреплены только в начале 1986 г. [11].

Напротив, краевое общество охотников и рыболовов, его районные отделения, первичные охотничьи коллективы предприятий и организаций, Красноярский гарнизонный совет Всероссийского военного общества охотников были крайне заинтересованы в проведении охотустройства. Закрепление за ними в

70–80-е гг. конкретных охотничьих угодий обеспечивало им условия для развития, увеличения числа работников, укрепления их материальной базы [12].

Задержка в распределении охотугодий, в свою очередь, сдерживала создание эффективной системы учета и прогнозирования численности охотничьих животных. В середине 70-х гг. в некоторых промысловых хозяйствах края уже вели специальные журналы продуктивности охотничьих угодий единого образца, в которые заносились результаты предпромысловых и послепромысловых учетов пушных зверей [13]. Однако эта работа находилась еще в начальной стадии, что не давало возможности отказаться от порочной практики планирования добычи от результата, достигнутого в предыдущем году.

Все эти проблемы постепенно решались, но решались медленно и некомплексно, постоянно наталкиваясь на ведомственную разобщенность, которая превращалась в одно из главных препятствий развития охотничьего промысла. Так, промысловые совхозы Таймырского и Эвенкийского автономных округов подчинялись Министерству сельского хозяйства РСФСР, Диксонский рыбзавод, занимавшийся охотничьим промыслом, Министерству рыбного хозяйства РСФСР, госпромхозы относились к системе Главохоты РСФСР, коопзверпромхозы и заготовительные конторы подчинялись органам потребкооперации. Разобщенность промысловых организаций не позволяла им проводить согласованную политику рационального использования, охраны и воспроизводства промысловых ресурсов, обобщать и распространять передовой опыт производственной деятельности, вырабатывать единые методики определения трудозатрат, эффективности работы и оплаты труда.

Следует отметить, что организации, ответственные за развитие охотничьего промысла, как в стране в целом, так и в РСФСР, в новых для них условиях сделали ставку на использование возможностей науки для повышения эффективности своей работы. Так, Центросоюз СССР совместно с Главохотой РСФСР в 1971 г. провел Всесоюзное научно-производственное совещание в Иркутске по добыче соболя, на котором было принято решение о проведении раз в три года всесоюзных учетов численности соболя с последующей корректировкой мер по рациональному использованию и воспроизводству его ресурсов [14]. В том же году Госплан РСФСР поручил Всесоюзному научно-исследовательскому институту охотничьего хозяйства и звероводства им. Б.М. Житкова (ВНИИОЗ) проведение работ по исследованию промысловых ресурсов и путей развития промысловой деятельности в северных районах Томской, Тюменской областей и Красноярского края. Исследования показали, что на Таймыре не в полной мере используются значительные запасы песца и дикого северного оленя [15].

В целях объединения усилий промысловых организаций, научных учреждений, партийных и советских органов, отвечавших за решение накопившихся в охотничьем промысле проблем, в марте 1974 г. в Норильске было проведено зональное совещание, в котором приняли участие около 140 человек. На нем сотрудники Научно-исследовательского института сельского хозяйства Крайнего Севера представили разработанный ими проект «Системы ведения сельского и промыслового хозяйства на Крайнем Севере» на период до 1980 г.

Участники совещания высоко оценили результаты комплексных исследований коллектива института по песцу, северному оленю, некоторым другим вопросам промысловой биологии. Но они также указали на то, что ученые мало занимаются разработкой проблем организации охотничьего хозяйства в зонах тайги и тундры. Научной проработки требовали вопросы определения размеров промысловых предприятий применительно к разным природным зонам, их структуры и организационных форм, рационального сочетания отраслей производства, внутрихозяйственной организации охотничьих угодий. Промысловики хотели бы получить рекомендации ученых по определению размеров промысловых участков, обоснованным нормам оборудования их самоловами, охотничьими избушками и хозяйственными постройками. Интересовало их определение методики учета затрат на получение промысловой продукции, так как каждое ведомство определяло их по собственным несопоставимым методикам [16].

Участники совещания обратились к Президиуму Сибирского отделения ВАСХНИЛ с просьбой о создании в институте лаборатории организации и экономики охотничьего хозяйства. Она должна была заниматься разработкой рекомендаций по эксплуатации таймырского стада диких северных оленей [17]. По мнению специалистов, «таймырский феномен» быстрого роста численности диких оленей возник из-за того, что на полуострове долгое время не занимались установлением их фактического поголовья и определением оленеемкости пастбищ [18].

Для научной разработки проблем охотничьего хозяйства Туруханского района в начале 70-х годов был создан таежный научный стационар «Мирный» Центральной научно-исследовательской лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников Главохоты РСФСР, который стал работать над темой «Биологические ресурсы, биоценозы и промысловое хозяйство туруханской тайги». В конце 1976 г. к научным исследованиям на территории Туруханского района приступили специалисты Центральной лаборатории

охраны природы Министерства сельского хозяйства СССР, которую возглавил член-корреспондент ВАСХНИЛ, доктор биологических наук, профессор Е.Е. Сыроечковский [19].

Знакомство с архивными материалами дает возможность утверждать, что «Система ведения сельского и промыслового хозяйства на Крайнем Севере», утвержденная участниками зонального совещания в марте 1974 г., оказалась вполне пригодной для деятельности по оптимизации охотничьего промысла. Её реализация дала определенный положительный эффект.

Например, в годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.) на Енисейском Севере, в отличие от многих других промысловых районов, удалось сохранить кадры охотников. Здесь на промысел ежегодно выходило более четырех тысяч штатных охотников и охотников-любителей.

За годы пятилетки здесь существенно улучшилась материально-техническая база совхозов, госпромхозов и коопзверпромхозов. В угодьях промысловых хозяйств к началу 1976 г. уже имелось более 720 избушек, в хозяйства стали поступать снегоходы «Буран» и радиостанции, необходимые для поддержания связи с охотниками и оленеводами. За 1973–1975 гг. промысловые хозяйства Эвенкии получили 93 радиостанции типа «Гроза» [20]. К началу 1976 г. на вооружении охотников имелось 105 тыс. капканов и 3,2 тыс. пастей.

В результате проделанной работы за 1971–1975 гг. на Енисейском Севере было заготовлено 42 тыс. шкурок горностая, 100 тыс. – ондатры, 100 тыс. – песцов, около 130 тыс. соболей, более 450 тыс. шкурок белки. За годы пятилетки охотники добыли около 100 тыс. северных оленей и почти 700 тыс. штук куропаток [21]. Белый песец занимал 97 % в заготовках пушнины Таймырского автономного округа, а соболь 60 % в заготовках пушнины Эвенкийского автономного округа и 67 % Туруханского района. В эвенкийских совхозах «Котуйский», «Стрелковский», «Чириндинский» удельный вес соболя в общем объеме добычи пушнины составлял от 90 до 95 % [22].

Анализ развития материально-технической базы промысловых хозяйств Эвенкии за 1971–1978 гг. показал, что к концу этого периода значительно возросла обеспеченность промысловиков охотничьими избушками. В 1978 г. в угодьях округа уже было 1274 избушки. Здесь уже использовалось 180 тыс. капканов, что составляло 250 шт. в пересчете на среднестатистического охотника. Это позволило довести добычу соболя капканами до 60 %, тогда как в начале рассматриваемого периода она не превышала 10 % [23].

Специалисты в области охотничьего промысла еще в начале 70-х годов заявляли о появлении в стране «эры самоловного промысла», которая давала возможность охотникам перейти от индивидуального ружейного промысла к бригадному промыслу с использованием капканов и других видов самоловов. Анализ результатов промыслового сезона 1977–1978 гг. показал прямую зависимость между количеством самоловов и добычей соболей на среднестатистического охотника Эвенкии. При наличии 50–300 самоловов охотник добывал 25 соболей, при 300–550 – 49 соболей, при 550–800 самоловов – 95 соболей. Подобная зависимость была выявлена и для промысловых хозяйств зоны южной тайги Красноярского края [24]. Однако развитие стационарного способа охоты вело к уменьшению площадей, охваченных промыслом. Это в какой-то степени нейтрализовалось сохранением на севере кочевого способа охоты, которым в Эвенкии занималось более половины штатных охотников.

Как показала практика, закрепление угодий за охотниками в таежной части края наряду с положительными результатами нередко вызывало неоднозначные последствия. При наличии соболя промысловики переставали заниматься добычей белки, так как за его шкурку они в зависимости от качества могли получить столько же, сколько стоили шкурки 12–30 белок. Другие же охотники не имели права добывать белку на чужих промысловых участках. В результате запасы белки, по утверждению специалистов, повсеместно недоосваивались.

В охотничьем промысле края существовали проблемы, которые имели тенденцию к обострению. В частности, повсеместно происходил отказ охотников от использования традиционных транспортных средств. В промысловых хозяйствах Крайнего Севера быстро сокращалась численность ездовых оленей. В Тунгусо-Чунском районе Эвенкии и Туруханском районе Красноярского края к концу 70-х годов уже полностью отказались от их использования на промысле. Охотники отказывались от использования собачьих упряжек, так как содержание одной упряжки в течение года в разных районах обходилось охотнику от 600 до 1000 руб. [25]. При существующих доходах охотников содержание ездовых собак было для них слишком обременительным. В Игарском районе владельцы ездовых собак вынуждены были готовить на зиму более 2 т рыбы на каждую [26]. В более южных районах края по мере увеличения поставок грузовых автомобилей происходил отказ от использования конной тяги, хотя автомобиль на охотничьих участках не мог заменить лошадь. А недостаточное использование поступавших в хозяйства снегоходов сдерживалось как наличием психологических барьеров, так и необходимостью изменения сложившейся системы освоения и материально-технического промысловых участков.

Со временем появлялись новые проблемы, которые осложняли работу промысловых хозяйств в регионе. Так, в конце 70-х годов промысловым совхозам Министерства сельского хозяйства было запрещено покупать оружие, боеприпасы, лодки, моторы, снегоходы «Буран» по безналичному расчету из рыночного фонда. Но они не могли покупать вышеназванное даже за наличные средства, так как магазины «Сельхозтехника» не входили в перечень организаций, отвечающих за производственно-техническое снабжение промыслового хозяйства. Проблема долгое время не решалась из-за сложной процедуры согласования между Госпланом, Министерством сельского хозяйства РСФСР, краевыми органами власти и управления [27].

В связи с тем, что решение многих накопившихся на севере проблем зависело от правительства РСФСР, министерств и ведомств союзной республики, органы власти Таймырского и Эвенкийского округов, Туруханского и других промысловых районов Красноярского края были вынуждены обращаться к ним за помощью в решении этих проблем. Так, исполком Таймырского окружного совета в мае 1977 г. обратился в Госплан РСФСР с просьбой разрешить поставки в округ легких снегоходов канадского производства вместо недостаточно надежных отечественных снегоходов «Буран» и поручить НИИСХ Крайнего Севера разработать рекомендации по их использованию на промысле песцов [28].

Для повышения материальной заинтересованности охотников в промысле исполком просил увеличить наценки на промысловую пушнину, добытую в рамках выполнения плана с 50 до 100 % и добытую сверх плана с 20 до 50 %, как это уже делалось в отношении продукции животноводства, сдаваемой государству сверх плана. Это позволило бы сохранить контингент штатных охотников, так как в отличие от рабочих, занятых в других отраслях совхозного производства, они не имели стабильной заработной платы в течение всего года [29].

Исполком Таймырского окружного совета народных депутатов просил Госплан РСФСР снизить существующие для промысловых хозяйств тарифы на авиаперевозки, чтобы при помощи авиации завозить промысловиков на отдаленные охотничьи участки и вывозить мясо оленей с мест добычи [30]. Нужно подчеркнуть, что, благодаря достигнутым компромиссам, в конце 70-х годов до 40 % охотников в Эвенкии и до 50 % в Туруханском районе уже завозились на участки вертолетами.

Исполком Таймырского окружного совета неоднократно обращался к правительству РСФСР с обоснованием необходимости использовать возможности всех совхозов округа для эксплуатации быстрорастущей таймырской популяции диких оленей, численность которых приближалась к 500 тыс. гол. Из-за этого не хватало пастбищ для домашних оленей, которые к тому же нередко уходили в тундру с дикими оленями. Реагируя на сложившуюся ситуацию, Министерство сельского хозяйства РСФСР в апреле 1978 г. вынуждено было пойти на создание агропромышленного объединения «Арктика» по производству и переработке продукции оленеводства и промыслов. В его состав вошло тринадцать совхозов округа [31].

В конце 70-х гг. некоторые нововведения начала десятилетия в процессе своего развития вышли на качественно новый уровень. Так, в 1979 г. в РСФСР была создана Государственная служба учета охотничьих ресурсов, которая должна была обеспечить переход от проведения многочисленных разрозненных работ по учету различных видов промысловых животных, зверей и птиц к проведению систематических учетных работ и ведению кадастра животного мира [32].

Анализ полученных данных позволил точнее выявить районы, для которых было характерно неэффективное использование пушных ресурсов. Выяснилось, что из-за многолетнего перепромысла в семидесятые годы закупки соболя, которые велись в 35 магистральных и южных административных районах края, полностью прекратились в 12 районах и сократились до нескольких шкурок в год еще в 8 районах [33]. Проведение регулярных учетных работ показало, что, несмотря на увеличение объемов добычи северных оленей на Таймыре, их поголовье быстро росло и в 1983 г. составило 840 тыс. особей. Учет и анализ численности песцов на Таймыре показал, что на протяжении 25 лет с 1961 по 1986 г. их поголовье колебалось от 21 до 434 тыс. [34]. Недостатки в организации промысла приводили к тому, что в «урожайные годы» имело место недополучение песцовых шкурок. Выявление относительно достоверной картины численности различных видов зверей, животных и птиц давало возможность лучше планировать промысловую деятельность и увеличивать ее эффективность.

Таким образом, некоторая часть существующих проблем охотничьего промысла решалась за счет совершенствования организаторской работы, привлечения к проблемам внимания вышестоящих органов, научно-исследовательских учреждений, укрепления финансовой и материально-технической базы промысловых совхозов. Анализ архивных документов, отражающих состояние охотничьего промысла в разные годы, позволяет делать вывод об определенной динамике процессов.

Сотрудники краевого управления охотничье-промыслового хозяйства вполне обоснованно считали, что радикальное решение накопившихся проблем было возможно лишь в случае отказа от ведомственного

принципа управления промысловой деятельностью. На рубеже 70–80-х гг. они активно выступали в средствах массовой информации с обоснованием необходимости создания в крае единого государственного комплексного охотничье-промыслового объединения, которое проводило бы единую долгосрочную политику эксплуатации промысловых ресурсов на научной основе [35].

Следует отметить, что работники промысловых хозяйств сами искали способы повышения эффективности охотничьего промысла. Закрепление промысловых участков, поступление вездеходной техники и капканов создало условия для перехода от индивидуальной к бригадной форме его организации. Во второй половине 70-х гг. в Эвенкии ежегодно создавалось около 20 бригад охотников из 8–12 человек, которые делились на звенья из 2–3 человек [36]. Эвенкийский автономный округ в конце 70-х годов давал 15–16 % всесоюзной добычи соболя и более 30 % всего объема добычи пушнины на территории Красноярского края [37].

В самом конце 70-х годов руководство Таймырского госпромхоза сумело найти удачную форму организации промысла на удаленных территориях. На промысловом участке «Бырранга» оно создало комплексную промысловую бригаду, которую возглавил опытный охотник, студент-заочник охотоведческого отделения Иркутского сельхозинститута Г.И. Ичтовкин. За ней было закреплено 350 тыс. га угодий. Так как бригада состояла из трех звеньев, каждое из которых являлось семейной парой, то на промысловом участке для них были построены жилой трехквартирный дом, баня, гараж, другие подсобные помещения, а также 12 промежуточных охотничьих избушек. Бригаде были переданы трактор С-100, 5 снегоходов, 3 моторные лодки и 4,5 тыс. капканов.

Используя снегоходы, мужчины обслуживали путики протяженностью в сотни километров и выставляли капканы у привады без маскировки. Сам бригадир обслуживал пять кольцевых путиков общей протяженностью почти в 1 тыс. км, на которых он выставлял 1,2 тыс. капканов. Жены охотников вели хозяйственные дела, обрабатывали пушнину, поддерживали радиосвязь с дирекцией госпромхоза.

Работа бригады была построена так, что все ее члены на протяжении года, за исключением периода отпусков, были заняты подготовкой к новому промысловому сезону, а именно ремонтом жилья, хозяйственных построек, техники, ловом рыбы, заготовкой привады [38]. Такая организация труда позволяла небольшой группе профессиональных охотников осваивать значительные по размерам промысловые угодья. По мнению специалистов, опыт работы промыслового участка «Бырранга» мог служить образцом для организации промысла в условиях Крайнего Севера страны [39]. К началу 80-х годов, судя по отчетным данным, большинство промысловых хозяйств Енисейского Севера уже работало по бригадному методу организации промысловой деятельности.

Однако, несмотря на принятие разнообразных мер по развитию охотничьего промысла, наиболее острой на протяжении всего рассматриваемого периода была проблема сохранения численности штатных охотников. Количество охотников в Восточной Сибири в середине 70-х годов составляло, как и предыдущие двадцать лет, примерно 32–34 тыс. человек, однако штатные охотники составляли только десятую часть от этой величины [5, с. 9].

По мере роста уровня жизни населения страны труд охотников утрачивал привлекательность из-за тяжелых условий, высоких трудозатрат, низких и нерегулярных доходов, нехватки жилья, а также из-за возможности зарабатывать средства на жизнь в других сферах деятельности. Государство в целях сохранения кадров штатных охотников и увеличения добычи промысловой продукции неоднократно повышало закупочные цены на сдаваемую пушнину, возлагало на руководство промысловых хозяйств ответственность за их бесплатное обеспечение оружием, боеприпасами, капканами, специальной одеждой и обувью. Но все это создавало дополнительную финансовую нагрузку на сами хозяйства, в результате промысловая деятельность в большинстве из них являлась убыточной.

В середине 70-х годов среднегодовой заработок охотников в совхозах Таймырского округа был в 1,5–2 раза меньше, чем у рабочих на рыбном промысле, и в 2–2,5 раза меньше, чем у оленеводов. По данным за 1977 г., среднегодовой заработок охотников Эвенкии в среднем составлял 2451 руб., тогда как у рабочих, занятых в оленеводстве, он составлял 2938 руб., а у занятых в звероводстве – 3909 руб. [40]. Слабая заинтересованность охотников в сдаче государству добытой пушнины приводила к тому, что, по экспертным оценкам, до 40 % шкурок соболя уходило на черный рынок. Для того чтобы уменьшить утечку пушнины, исполком краевого Совета народных депутатов в январе 1986 г. потребовал от заготовительных организаций наладить приемку пушнины непосредственно в местах промысла [41].

В целях решения кадровой проблемы исполком крайсовета весной 1982 г. поручил краевому Управлению профессионально-технического образования, краевому Управлению сельского хозяйства, производственному объединению «Красноярскрыбпром» решить вопрос об открытии в Игарке СПТУ по подготовке рабочих кадров для оленеводства, охотничьего, рыболовного и морского зверобойного

промысла [42]. В декабре 1985 г. он поручил краевому агропромышленному комитету для приобщения школьников к труду охотников оленеводов и звероводов организовать на базе Тутончанской средней школы Эвенкийского автономного округа школьный оленеводческий совхоз. В Таймырском автономном округе предстояло создать школьный звероводческий совхоз, а в Партизанском районе Красноярского края – школьное рыбоводческое хозяйство [43].

Нарушение принципа материальной заинтересованности охотников наряду с другими факторами привело к тому, что в начале 80-х годов заготовки большинства видов промысловой пушнины упали до самых низких за предшествующие 10 лет величин. В охотничий сезон 1981–1982 гг. ни один госпромхоз края не выполнил плана добычи пушнины [44]. Для того чтобы преодолеть эту негативную тенденцию, в 1983 г. в очередной раз пришлось пойти на повышение закупочных цен в среднем на 100 % на шкурки диких пушных зверей. Однако оставалось много неясных вопросов с оплатой труда штатных охотников. Только в августе 1988 г. Госкомтруд СССР и ВЦСПС сумели согласовать единые подходы к оплате труда охотников независимо от вида промысловых хозяйств, утвердив единое наименование профессии – «охотник промысловый», а также ее квалификационную характеристику. Это дало возможность производить оплату труда охотников в течение всего года и применять районные коэффициенты к их заработной плате [45].

К началу 70-х годов в стране, в частности на севере Красноярского края, созрели условия для ускоренного развития охотничьего промысла. Этому способствовало создание комплексных промысловых хозяйств разного типа. Однако в силу ведомственной принадлежности, их материальная база и производственные возможности значительно отличались.

В рассматриваемый период наблюдался переход от экстенсивной модели ведения охотничьего промысла к интенсивной. В регионе производилось охотустройство промысловых угодий, создание системы учета и прогнозирования численности охотничьих животных. Но в этой работе имелось немало проблем, связанных с ведомственной разобщенностью промысловых организаций.

В целях преодоления этих проблем принимались меры по усилению роли научных учреждений в повышении эффективности охотничьего промысла, разрабатывались долговременные программы, позволявшие объединять усилия всех тех, от кого зависело его состояние и развитие.

Статистические данные позволяют сделать вывод, что в рассматриваемый период была значительно укреплена материально-техническая база промысловых хозяйств, получили развитие стационарный способ охоты и бригадная форма организации труда промысловиков. Вместе с тем решение одних проблем создавало другие, такие, как отказ охотников от добычи белки при наличии на промысловых участках соболя. Повсеместно происходил отказ от использования традиционных для охотничьего промысла транспортных средств.

Часть вопросов, которые выходили за пределы компетенции краевых и окружных партийных, советских, хозяйственных органов, таких, как создание новых форм объединения промысловых хозяйств, повышение оплаты труда промысловиков, выплата им премий за сверхплановую продукцию, утверждение приемлемых для хозяйств тарифов на авиаперевозки, приходилось решать за счет обращений к правительству РСФСР, различным министерствам и ведомствам.

Улучшению планирования промысловой деятельности способствовало создание в конце 70-х годов Государственной службы учета охотничьих ресурсов. Творческий подход руководства промысловых хозяйств и штатных охотников позволял находить эффективные формы организации промысловой деятельности. Но самой сложной была проблема материальной заинтересованности штатных охотников в результатах труда. В регионе происходило сокращение численности штатных охотников и увеличение количества охотников-любителей. Здесь принимались некоторые меры по подготовке охотников из числа старшеклассников и учащихся профессионально-технических училищ, но в 1991 г. после отказа от существовавшей модели экономического развития страны почти все виды промысловых хозяйств прекратили свою деятельность. Таким образом, результаты проводимой в течение двадцати лет работы были обесценены.

Литература

1. Сафронов В. Пушной промысел в США // Охота и охотничье хозяйство. – 1981. – № 1. – С. 28–29.
2. Пастушенко И. 56-й ленинградский аукцион // Охота и охотничье хозяйство. – 1971. – № 4. – С. 5.
3. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 8. Д. 168. Л. 11, 12, 13.
4. Фельдман М. Таймырский госпромхоз // Охота и охотничье хозяйство. – 1974. – № 8. – С. 12–13.
5. Ключев А. Охотничье хозяйство Восточной Сибири // Охота и охотничье хозяйство. – 1976. – № 5. – С. 8–9.

6. Мельников В. Охотничье хозяйство Эвенкии // Охота и охотничье хозяйство. – 1973. – № 1. – С. 11–12.
7. Макаревич В., Дунишенко Ю. Охотустройство в Восточной Сибири // Охота и охотничье хозяйство. – 1976. – № 11. – С. 20.
8. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 5421. Л. 10.
9. Булавкин В. Организация угодий и технология производства в системе рационального охотпользования // Актуальные проблемы сельского и промыслового хозяйства Крайнего Севера и зоны БАМ: науч.-техн. бюл. – Новосибирск, 1978. – Вып. 17. – С. 3.
10. Ястребов К. Тутончанский совхоз // Охота и охотничье хозяйство. – 1973. – № 12. – С. 10.
11. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 7276. Л. 59.
12. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 4915. Л. 175, 176, 178; Д. 6983. Л. 114, 115.
13. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 5423. Л. 93.
14. Бакеев В. Упорядочить промысел соболя // Охота и охотничье хозяйство. – 1971. – № 9. – С. 2.
15. Стахровский Е. Охотничье хозяйство Обь-Енисейского Севера // Охота и охотничье хозяйство. – 1971. – № 11. – С. 12.
16. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 8. Д. 699. Л. 15, 16, 17, 18, 23, 25.
17. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 8. Д. 699. Л. 29.
18. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 4318. Л. 5.
19. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 5036. Л. 3; Д. 5287. Л. 129.
20. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 8. Д. 612. Л. 47.
21. Охотничье хозяйство Енисейского Севера. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1977. – С. 5.
22. Ф. Р – 1386. Оп. 1. Д. 5421. С.9.
23. ГАКК. Ф. Р – 1386. Оп. 1. Д. 5423. Л.89.
24. Кольчев В. Важные выводы // Охота и охотничье хозяйство. – 1978. – № 11. – С. 11.
25. Макридин В. Совершенствовать охотпромысел Севера // Охота и охотничье хозяйство. – 1981. – № 12. – С. 2.
26. ГАКК. Ф.Р- 2274. Оп. 1. Д. 90. Л. 221.
27. ГАКК. Ф.Р-1386. Оп.1. Д. 5421. Л. 61.
28. ГАКК. Ф.Р-1386. Оп. 1. Д. 5216. Л. 3.
29. ГАКК. Ф.Р-1386. Оп. 1. Д. 5216. Л. 3.
30. ГАКК. Ф.Р-1386. Оп.1. Д. 5216. Л. 14.
31. ГАКК. Ф.Р-1386. Оп. 1. Д. 5223. Л. 64.
32. Сицко А. Итоги и задачи охотничьего хозяйства России // Охота и охотничье хозяйство. – 1981. – № 1. – С. 1.
33. Монахов Г. Упорядочить промысел соболя // Охота и охотничье хозяйство. – 1981. – № 4. – С. 3.
34. Крылов М. Крайний Север: интенсификация охотничьего промысла // Охота и охотничье хозяйство. – 1988. – № 3. – С. 1.
35. Данильченко Ю. Таежный урожай // Красноярский рабочий. – 1977. – 11 дек.
36. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 5423. Л. 90.
37. Худолеев Ф.И., Царьков Л.В., Попов Г.Р. Охотничье-промысловое хозяйство Эвенкии // Охотничье-промысловое хозяйство Севера. – М.: Колос. – С. 197.
38. Фельдман М. Таймырский феномен // Охота и охотничье хозяйство. – 1981. – № 10. – С. 4–5.
39. Макридин В. Совершенствовать охотпромысел Севера // Охота и охотничье хозяйство. – 1981. – № 12. – С. 2–3.
40. Ленвальский Р. Проблемы промыслового хозяйства // Охота и охотничье хозяйство. – 1978. – № 11. – С. 2.
41. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 7106. Л. 46.
42. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 6225. Л.120.
43. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 7114. Л. 17, 18, 20.
44. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 6240. Л. 207.
45. Ключев В. Оплата труда промысловиков // Охота и охотничье хозяйство. – 1989. – № 1. – С. 16–17.

